

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

РОЛЬ МУЦАЦИРСКОГО ХРАМА В ЭКОНОМИКЕ УРАРТУ И АССИРИИ В VIII в. до н. э.

Исследуя городскую жизнь в странах древнего мира, необходимо учитывать прежде всего типологическое своеобразие того или иного города. В частности, особый интерес представляют те городские центры, благосостояние которых в большей или меньшей степени зависело от прославленных храмов, привлекающих толпы богомольцев и богатеющих от их щедрых даров. Некоторые из этих храмовых городов сочетали использование знаменитых святынь с мероприятиями по развитию ремесла и торговли, а также с борьбой за политическое преобладание (например Иерусалимский храм). Другие храмовые города (Нинпур в Двуречье, Дельфы в Греции и др.) прямо не стремились к расширению своей территории, но довольствовались утверждением идеологического влияния на соседние и более отдаленные местности, приносящие им значительные выгоды. Особый интерес представляет в этом отношении урартский храмовый город Муцадир, характерные черты которого исследуются в настоящей статье.

Муцадир (по-ассирийски «Нора змеи», по-урартски он назывался Ардини — «город бога Арди») ¹ был расположен к северу от ассирийской провинции «Дворцового глашатая» ², в глухих, труднодоступных горах. Точное местоположение этого священного центра остается до сих пор неизвестным. Можно только сказать, что он находился в бассейне Забана (Большого Заба, по-урартски — Еламунии), несколько на восток от верховьев этой реки и, безусловно, на север от ассирийской границы, но на каком расстоянии от нее, остается невыясненным. По мнению Ф. Тюро-Данжена, город, о котором идет речь, был расположен в ста с лишним километрах к северу от совр. Ревандуза, недалеко от впадения в Большой Заб его притока Нигзиль-чай ³. К. Ф. Леман-Хаупт, напротив, передвигает Муцадир на юг и помещает в районе совр. Келяшина и Сидикана, на берегу небольшой речки Топузавы ⁴. К топографическому определению К. Леман-Хаупта примыкают Э. Форрер ⁵ и Д. Д. Люкенбилл ⁶. Очень осторожно высказывается по этому вопросу акад. Б. Б. Пиотровский: «Находящийся в нашем распоряжении материал, — пишет он, — не дает

¹ Меликишвили Г. А. Урартские клинописные надписи. М., 1960, с. 125—127.

² Подлинное название этой области неизвестно, но мы знаем, что она была подчинена вельможе, носившему титул «Нагир-Экалли» (Глашатай дворца); см. Forrer E. Die Provinzerteilung des assyrischen Reiches. Lpz, 1921, S. 39.

³ Подробнее об этом см. Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959, с. 107 слл.

⁴ Lehman-Haupt C. F. Armenien einst und jetzt. II. B., 1931, S. 299 f.

⁵ Forrer. Op. cit., S. 39.

⁶ ARAB, II, p. 474 (index of names).

возможности определенно принять одну из них (т. е. точек зрения. — *Д. Р.*), но все же вполне вероятно, что старое мнение Тьюро-Данженена обосновано»⁷. Со времени, когда были написаны эти строки, прошло 25 лет, но решение вопроса о точном местоположении Муцацира пока еще не сдвинулось с мертвой точки. В коллективном трехтомном труде «История древнего мира» на приложенной карте, иллюстрирующей лекцию III второй книги («Урарту, Фригия и Лидия», автор И. М. Дьяконов), город Муцацир помечен крестиком, т. е. условным знаком, который означает «предположительное место древнего города»⁸.

Таким образом, пока мы должны удовольствоваться тем, что Муцацир находился на западе или юго-западе от озера Урмия, вблизи от верхнего течения Большого Заба. В зависимости от главного города находилось около 50 поселений, по всей вероятности, небольших, ибо ассирийский летописец Салманасара III не сообщает их названий, кроме одной крепости Сапарии⁹. Область его владений простиралась сравнительно узкой полосой вдоль линии современной границы Турции с Ираном.

Область Муцацира со столицей, носившей то же имя, входила в состав Урартской державы в качестве зависимого государства, управлявшегося местными правителями, для контроля за которыми урартские цари посылали своих наместников. Так, например, при царе Русе I (730—714 гг. до н. э.), о котором будет идти речь далее, правителем Муцацира был Урзана, а при нем находился для наблюдения наместник центрального правительства Аналукуну¹⁰.

Город Муцацир был одним из важнейших центров, а возможно, древнейшим и основным центром (как предполагает Г. А. Меликишвили) культа верховного бога урартов Халди¹¹. Во всяком случае, урартские цари проявляли исключительное внимание к находившемуся там храму. С другой стороны, Муцацир, расположенный среди глухих, почти непроходимых гор, имел для Урарту большое стратегическое значение. Он был важен для защиты от расположенной на юг от него Ассирии, а при случае — для ответного удара по этой державе¹².

Экономическое значение Муцацира, напротив, как я попытаюсь показать, было незначительным. В этом отношении он гораздо больше получал от царей Урарту и их подданных, чем давал им. Это своеобразное направление экономики Муцацира заслуживает детального изучения.

Поскольку археологические памятники Муцацира еще не обнаружены, единственными источниками для изучения его экономики являются клинописные документы, в особенности ассирийские. Важнейшим из них следует признать знаменитую табличку, случайно попавшую в Луврский музей и опубликованную в 1912 г. Ф. Тьюро-Данженем. Текст, начертанный на этой глиняной табличке (далее — ЛТ), носит условное название «Письмо (или, как иногда говорят, реляция — *Д. Р.*) царя Саргона (721—705 гг. до н. э.) богу Ашшуру»¹³. Этому царю удалось в 714 г. до н. э., в самом конце успешного похода против Урарту, внезапно напасть на Муцацир, разгромить его и разграбить великолепный храм, являвшийся, судя по рельефам, сохранившимся в Хорсабадском дворце, одним из за-

⁷ *Пиотровский*. Ук. соч., с. 108.

⁸ История древнего мира. Кн. II. Под ред. Дьяконова И. М., Нероной В. Д., Свенцицкой И. С. М., 1982 (далее — ИДМ), с. 562.

⁹ *Пиотровский*. Ук. соч., с. 57—58.

¹⁰ Там же, с. 86.

¹¹ Там же, с. 60.

¹² Там же, с. 8, ср. с. 92.

¹³ Там же, с. 93—94.

мечательных произведений древневосточной архитектуры. В упомянутом тексте сохранились подробные описания добычи, доставшейся победителю.

Прежде всего, разумеется, возникает вопрос о достоверности этих сведений. Этим вопросом специально занимался Б. Б. Пиотровский, который решительно выступил против гиперкритики в оценке ассирийской статистики: «У нас нет оснований сомневаться, — пишет историк, — в правильности сведений, сообщаемых в тексте Луврской таблички, автор которого Табшар-Ашшур нам известен как агент, информировавший царя о событиях в соседних странах»¹⁴.

Б. Б. Пиотровский обстоятельно и убедительно обосновывает этот вывод. Я хотел бы в дополнение к его аргументам привести сравнение выкладок Табшар-Ашшура с цифрами, сообщаемыми некоторыми другими первоисточниками по истории древнего Востока, которые действительно производят впечатление вымышленных. Прежде всего это касается данных Геродота, относящихся к финансовой политике Дария I. «Отец истории» утверждает, что XX сатрапия державы Ахеменидов (Индия), единственная, вносившая подать золотом, уплачивала ежегодно 360 талантов золотого песка¹⁵. Цифра эта совершенно невероятна, особенно если сравнить ее с размером подати, уплачиваемой Вавилоном и Ассирией, исчисляемой Геродотом в 1000 талантов серебра, которое ценилось в то время в 13 раз меньше, чем золото. Кстати говоря, ассирийские летописцы гораздо скромнее и осторожнее оперируют цифрами при подсчете поступления золота из покоренных стран. Так, наибольшее количество этого драгоценного металла, поступившее в ассирийскую казну при Тиглатпаласаре III, достигало всего 150 талантов (около 4,5 тонн) и было уплачено богатейшим городом Тиром¹⁶. Все остальные уплаты золотом, о которых говорят ассирийские источники, оказываются значительно скромнее. Еще большее злоупотребление крупными цифрами, которыми определяются взносы золотом, мы находим в библейской I Книге Хроник (Паралипомон), наименее надежной из всех библейских книг. Это произведение, так же как «История» Геродота, относится к эпохе Ахеменидов. В ней сказано, что Соломон собрал на построение Иерусалимского храма 5000 талантов золота (I Chron. XXIX, 7). По сравнению с такой явно вымышленной цифрой (кстати, примеров подобных можно привести много) ассирийские источники, как правило, являются идеальными и неточности в них встречаются необычайно редко.

Нужно признать, однако, что цифры, обозначающие количество золота и серебра, захваченного Саргоном II во дворце и храме Муцацира, хотя и не астрономически велики, все-таки весьма впечатляющи. Во дворце Урзаны было взято 34 таланта 18 мин золота и 167 талантов 2,5 мин серебра, а в храме Халди, кроме, по всей вероятности, значительного количества золота (точная цифра не сохранилась), 162 таланта серебра. Все это составляет около 2 тонн золота и около 10 тонн серебра¹⁷.

Как мы увидим далее, такое богатство скромной и зависимой от Урартского царства области отнюдь не является результатом ее экономического развития. Наш источник все время подчеркивает щедрость урартских царей в отношении наиболее почитаемого религиозного центра Муцацира, который, по-видимому, играл роль запасного казнохранилища.

¹⁴ Там же, с. 184.

¹⁵ Herod., III, 94.

¹⁶ ARAB, I, 803.

¹⁷ По исчислению Б. Б. Пиотровского (ук. соч., с. 161).

Б. Б. Пиотровский делает очень интересное предположение: «Очень возможно, — пишет он, — что Руса, ожидая вторжения Саргона в центральную часть своего государства, перевез царскую казну в страну Мусасир (так прежде произносили название Муцадир. — *Д. Р.*), правитель которого был союзником ванского царя. Может быть, именно это обстоятельство и толкнуло Саргона на чрезвычайно трудный поход через лесистые горы»¹⁸.

Захваченные ассирийскими завоевателями запасы золота и серебра были не только в виде слитков, но и изделий из этих ценных металлов, представляющих, таким образом, не только собственно материальную, но и значительную художественную ценность. Особенно замечательны, судя по описанию изучаемого текста, были шесть золотых щитов, украшенных головами оскаленных собак (ЛТ, с. 370 сл.), и 12 серебряных щитов с изображениями голов дракона, льва и тура (с. 379). Далее описываются изделия из драгоценных камней, слоновой кости, самшита и клена (хотя не так подробно). Однако особенно интересны обстоятельные сведения о меди и бронзе в слитках и вещах.

При перечислении военной добычи Саргона II, захваченной во дворце и храме Муцадира, особенно бросается в глаза огромное количество (свыше ста тонн) меди в слитках, а также множество разнообразных предметов из меди и бронзы¹⁹. Особенно удивляет необычайное количество бронзового оружия: 25 212 бронзовых щитов, больших и малых, 1514 копий из бронзы и, наконец, 305 412 мечей и кинжалов, не говоря уже о других предметах вооружения.

На первый взгляд кажется, что Муцадирский храм имел арсенал на случай войны. Однако такое впечатление обманчиво. Не надо забывать, что бронзовое оружие в VIII в. до н. э. являлось уже устаревшим. На это обратил внимание И. М. Дьяконов: «К концу VIII в. до н. э., например, в царстве Урарту скопились огромные склады уже более неиспользуемых бронзовых мечей, кинжалов, секир»²⁰. Безусловно, одним из таких складов была сокровищница Муцадирского храма, представлявшая собой своего рода музей.

Наряду с бронзовым оружием ассирийцами было захвачено множество бронзовых сосудов — малых и больших. Особенно выделялись своими размерами три больших бронзовых котла с крышками, вмещавших 50 мер жидкости, грандиозный бронзовый бак вместимостью в 80 мер, наполненный вином, использовавшимся урартскими царями для возлияния богу Халди²¹. Что касается более мелких бронзовых сосудов Муцадирского храма, то они исчислялись сотнями.

Многие произведения из бронзы, попавшие в Муцадирский храм в качестве пожертвований урартских царей, являлись, безусловно, наряду с упомянутыми выше изделиями из золота и серебра выдающимися произведениями искусства, например, статуя царевича Сардури, сына Ишпу-

¹⁸ Там же, с. 109.

¹⁹ Не всегда возможно точно установить, изготовлены ли упомянутые в тексте изделия из чистой меди или из бронзы, или частично из того и другого материала. Затруднение заключается в том, что аккадское слово *egū* (возможно, заимствованное из шумерского языка) может означать альтернативно руду, медь или бронзу (*Липин Л. А.* Аккадский (авилоно-ассирийский) язык. Вып. II. Словарь. Л., 1957, с. 41). Изучение археологических памятников дает возможность более точного определения. Например, в развалинах Тейшебаини обнаружен медный котел с бронзовым бортом (*Пиотровский. Ук. соч.*, с. 170).

²⁰ ИДМ, кн. II, с. 50.

²¹ ЛТ, с. 396—398.

нии (IX в. до н. э.) или статуя Урсы (Русы I) с двумя конями и возничим, снабженная клинописной надписью ²².

Конечно, это собрание исторических и художественных ценностей по своему объему не может идти в сравнение с грандиозными собраниями Дельфийского храма, из которого Нерон вывез 500 медных изображений ²³, но оба храма выполняли аналогичную функцию хранения ценнейших памятников старины и искусства. Только судьба сокровищ Муцадирского храма была печальнее судьбы дельфийских произведений искусства. На одном из рельефов дворца Саргона II в Дур-Шаррукине изображены ассирийские воины, разбивающие статую, захваченную в Муцадирском храме ²⁴.

Если количество бронзовых (или медных) предметов, захваченных Саргоном II в Муцадирском храме и Муцадирском дворце, следует признать рекордным, то ярким контрастом этому является крайне незначительное число железных изделий, доставшихся в Муцадире ассирийцам.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что ни одной мины железа ни в слитках, ни в обработанном виде в подробной описи добычи, захваченной Саргоном II в Муцадирском храме, не значится. А между тем прекрасно известно, что ассирийцы в IX—VII вв. до н. э. необычайно дорожили железом и спрос на него был весьма велик ²⁵. Мы знаем, например, что из Малой Азии и Сирии они вывозили сотни ²⁶, а иногда и тысячи ²⁷ талантов этого столь необходимого им металла. Во дворце Саргона в Дур-Шаррукине археологи обнаружили кладовую, в которой хранилось около 160 тонн железа ²⁸. Следовательно, приходится признать, что железные предметы в Муцадирском храме просто отсутствовали.

Объяснить это странно на первый взгляд обстоятельство можно, по моему мнению, путем сравнения обстановки Муцадирского храма с инвентарем знаменитого храма Соломона в Иерусалиме. Судьба обоих храмов была в основном одинаковой. Примерно 130 лет спустя после разгрома Муцадирского храма Саргоном II Иерусалимский храм был разрушен Навуходоносором (Набукудурцуром) II (587 г. до н. э.) и сокровища его были увезены в Вавилон. Иудейский летописец, так же как ассирийский, подчеркивает исключительное обилие бронзы (или меди), доставшейся победителям, но так как он в отличие от ассирийского автора не имел в своем распоряжении точных данных, то ограничился замечанием: «...бронзы во всех этих вещах не было весу» (II Reg. XXV, 16). Показательно, что при этом в Иерусалимском храме, так же как в Муцадирском, не было обнаружено ни одной железной вещи. Между тем железо в X в. до н. э., когда строился храм Соломона, уже вошло в Израильско-Иудейском царстве (под влиянием филистимлян, а возможно, и ханаанеев) в широкое употребление. Правда, сообщение I книги Хроник (Паралипоменон) (I Chron. XXIX, 7) о ста тысячах талантов железа, собранных якобы царем Соломоном в качестве фонда для постройки храма, является явно недостоверным, как и другие цифровые данные этой наиболее поздней библейской летописи, но имеется гораздо более надежный библейский источник по интересующему нас вопросу. Я имею в виду вторую книгу Самуила,

²² ЛГ, сткк. 400—404.

²³ Paus., X, 7, 1.

²⁴ Botta P. E. et Flomden E. Monument de Niniwe. V. II. P., 1849, tabl. 140.

²⁵ Пиотровский. Ук. соч., с. 164.

²⁶ ARAB, I, 476—477.

²⁷ Ibid., 740.

²⁸ Пиотровский. Ук. соч., с. 184.

окончательно оформленную в правление Амель-Мардука в Вавилоне (561—559 гг. до н. э.). Здесь упоминаются «железные молотилки и железные топоры», употреблявшиеся во времена царя Давида (II Sam. XII, 31). Таким образом, отсутствие железных предметов в Иерусалимском храме в период, когда в стране уже широко применялись орудия труда из этого металла, обращает на себя внимание. Дело объясняется весьма просто. У израильтян и иудеев существовал религиозный запрет, препятствующий использованию железных предметов в священном месте. В первой книге Царей мы читаем: «Когда строился храм (имеется в виду храм Соломона. — *Д. Р.*), на строение употребляемы были обтесанные камни; ни молота, ни тесла, ни всякого другого железного орудия не было слышно в храме при строении его» (I Reg. VI, 7). Итак, практическая необходимость заставляла искать обход непреложного табу. Каменные плиты обтесывались железными орудиями за пределами священной территории и в готовом виде доставлялись на место, но в самом храме железо полностью отсутствовало. Еще строже соблюдалась табуация железа в культовом предписании так называемой Книги Союза (IX в. до н. э.), вошедшей позднее в состав II книги Пятикнижия (книги Исхода). Здесь содержится требование складывать жертвенник из необработанных камней, чтобы соприкосновение с запретным металлом не осквернило его. Это предписание гласило: «Если же будешь строить мне (богу Яхве. — *Д. Р.*) жертвенник из камней, то не сооружай его из тесаных. Ибо, как скоро наложишь на них тесло свое, то осквернишь их» (Exod. XX, 25). Еще определеннее (с прямым указанием на железо) повторен этот запрет во Второзаконии (VII в. до н. э.): «И устрой там жертвенник Яхве, богу твоему, жертвенник из камней, не поднимаемая на них железа» (Deuter. XXVII, 5).

Не мешало бы отметить, что на этот момент впервые обратил внимание еще в начале XX в. выдающийся австрийский историк первобытной культуры М. Гернес, который отметил, что хотя в Израильско-Иудейском царстве железо имелось в изобилии, «...однако по религиозным причинам при многих работах его избегали: его нельзя было, например, употреблять при сооружении алтарей»²⁹.

С исключительной непреклонностью применялось это табу при обряде обрезания, при котором разрешалось пользоваться лишь каменными ножами (Exod. IV, 25). Очевидно, данный обряд возник еще в каменном веке (подобно тому как это зафиксировано у аборигенов Австралии), и религия законсервировала его в неизменной форме на значительно более поздней стадии экономического развития. Особенно показательны то, что в данном случае табу имело силу даже за пределами священной территории. Что же касается меди (или бронзы), то ни в одной библейской книге нет даже намека на ее запрет. Во всех видах культа, описанных в Библии (так же как в письменных источниках других древних народов), медь применяется самым широким образом. В мифической Скинии (воображаемом прообразе храма Соломона) и в реальном храме Соломона находилось самое разнообразное собрание священных предметов из бронзы. В их число в дореформенный период входили даже изображения божества (позднее строго запрещенные). К ним относятся, например, бронзовые статуи 12 волов, поддерживающих громадную, тоже бронзовую чашу (так называемое «бронзовое море», символизирующее небесные воды). Только при царе Ахазе (735—719 до н. э.) эти статуи были удалены (II Reg. XVI, 17).

²⁹ Гернес М. Культура доисторического прошлого. Ч. III. Железный век. М., 1914, с. 94.

Сын и преемник Ахаза, благочестивый царь Иезекия (Хизкия), уничтожил знаменитого «медного змея», «которому кадили сыны Израилевы», не посчитавшись даже с популярной легендой о том, что в этого медного змея будто бы превратился жезл самого Моисея (II Reg. XVI, 39; cf. Num. XVI, 39).

Однако даже после устранения идолов, отлитых из меди (или бронзы), этот металл продолжал считаться угодным богу Яхве. Например, в легенде о гибели бунтовщика Корея и его сообщников кадила этих грешников были переплавлены и использованы для покрытия жертвенника Яхве (Num. XVI, 39: данное место относится к поздней составной части пятикнижия, так называемому жреческому кодексу). Таким образом, непосредственное соприкосновение жертвенника с медью считалось вполне допустимым.

Что касается железа, то не надо думать, что его запрещалось вносить только в Иерусалимский храм. Табу на него, по-видимому, было в израильско-иудейском обществе всеобщим. Имеются намеки на то, что и в более древнем храме в Номве (городе жрецов) (I Sam. XVII, 22, 19) тоже отсутствовали предметы из железа. Этот библейский эпизод связан с традицией о знаменитом богатыре-филистимляине Голиафе. Его гибель описана библейскими летописцами в двух вариантах, резко противоречащих друг другу. Первая, весьма подробная версия получила самую широкую известность благодаря замечательным памятникам искусства, посвященным этому сюжету. Однако историческая ценность ее равна нулю. Все повествование относится к сфере фольклора. Победителем Голиафа оказывается юный пастух Давид (будущий царь Иудеи и Израиля), который, собираясь вступить в единоборство с Голиафом, заявляет, что он не раз разрывал голыми руками пасть у льва и медведя. Как известно, Давид поражает после этого своего противника камнем, брошенным из пращи (I Sam. XVII, 1—54). Наряду с этой яркой, но совершенно фантастической сценой редактор первой книги Самуила, как уже давно было отмечено библейской критикой, включил в свое компилятивное произведение другой вариант этого сюжета, очень короткий и весьма прозаичный. Приведем его целиком: «Было другое сражение в Гобе: тогда убил Елханан, сын Ягаре-Оргима Бетлехемского, Голиафа Гатиняна, у которого древко копья было как навой у ткачей» (II Sam. XXI, 19). Здесь нет никаких преувеличений. Все повествование сдержанно, сухо, но зато вполне реально. В исторической достоверности его нет причин сомневаться. Вполне понятно, что придворный летописец приписал подвиг одного из соратников Давида самому царю и искусственно перенес этот подвиг в те времена, когда будущий царь был простым пастухом. Эту версию, резко противоположную общепринятой, редакторы, оформлявшие I и II книги Самуила, к счастью, забыли вычеркнуть. Впрочем, и в фольклорном варианте, при всей его фантастичности, содержатся некоторые реальные черты относительно вооружения Голиафа. Оборонительное оружие филистимского бойца (шлем, броня, наколенники, щит) было сплошь бронзовым, а наконечник его копья — железным. Вес этого наконечника, конечно, преувеличен (600 шекелей, т. е. около 5 кг). (По библейским данным, самый тяжелый наконечник копья мог весить 300 шекелей, т. е. около 2,5 кг — см. II Sam. XXI, 16.) Что касается меча Голиафа, то не сказано (может быть, по небрежности переписчика) из какого металла он был изготовлен (об этом мече говорится дважды — в I Sam. XVII, 45, 51). В другом месте первой книги Самуила сообщается, что этот меч убитого Голиафа попал в качестве трофея в храм в Номве (I Sam. XXI, 8—9). Подробно описывается, как Да-

вид, спасаясь от преследований Саула, прибыл в этот храм и попросил у главного жреца Ахимелеха какое-либо оружие (копье или меч). У жреца оказался в наличии только один трофейный меч, захваченный якобы у убитого Голиафа и положенный позади эфода (священного изображения). Думается, что он хранился там именно потому, что был бронзовым, а не железным (как копье Голиафа, которое в храм не попало). Так или иначе, ни одного хотя бы косвенного намека на хранение железных предметов в священных местах в Библии нет. Это не значит, однако, что храмы отказывались приобретать железо, которое в быту было необходимо, но они держали, очевидно, запретный металл в сокровищницах, расположенных вне храма (Jes. Nav. VI, 23; Chron. XXIX, 7). Так, как мы увидим, было и в Муцаирском храме, где железные вещи отсутствовали в священном месте, но имелись в соседнем дворце.

Надо полагать, что табуация железа как у израильтян и иудеев, так и у урартов утвердилась под влиянием ассиро-вавилонской культуры, которая оказывала значительное воздействие на тех и других. Г. Винклер высказал в свое время мнение, что до установления в Вавилонии Эры Овна (VIII в. до н. э.), в правление Набонасара (747—793 гг. до н. э.) железо считалось запретным материалом и это табу было снято только по окончании Эры Тельца (XXVII—VIII вв. до н. э.)³⁰.

Конечно, будучи последовательным идеалистом, Г. Винклер преувеличивал роль религии, не учитывая того, что религиозные запреты под влиянием практических потребностей могли нарушаться или обходиться. Но в основном, по-видимому, он был прав. Таким образом, надо полагать, что в обширной географической зоне, охватывающей Месопотамию, Урарту и Палестину, табу на железо имело место. За пределами этой зоны никакого намека на запрет этого металла не замечается. В Хеттском царстве железо высоко ценилось. В списках хеттского храмового инвентаря, опубликованного Л. Якоб-Рост, отмечаются в его составе наряду с золотыми, серебряными, оловянными и глиняными статуэтками также и священные изображения, изготовленные из железа. Не надо забывать, что в надписи древнейшего хеттского царя Анитты упоминается железный трон и железный скипетр, имеющие безусловно сакральное значение³¹.

В древнем Египте священные предметы, изготовленные из железа, были также распространены. Еще в додинастический период здесь изготавливались амулеты из гематита³². Во времена IV династии в храме Менкаура хранился кусок окиси железа, входивший в набор магических предметов³³. То же самое наблюдается в эпоху Нового Царства. В известной гробнице Тутанхамона был обнаружен железный амулет в виде глаза, вправленного в золотой браслет³⁴. Количество подобных примеров при желании можно умножить.

Особенно бросается в глаза отношение к железу в античном мире. В древней Греции охотно помещали железные изделия, часто высокохудожественные, в храмы. В Дельфийском храме с почетом хранились железная подставка от чаши, пожертвованная лидийском царем Алиаттом (VI в.

³⁰ Винклер Г. Вавилонская культура и ее отношение к культурному развитию человечества. 1913, с. 48.

³¹ Подробнее об этом см. Менабде Э. А. Хеттское общество. Тбилиси, 1965, с. 63.

³² Лукас А. Материалы и ремесленные произведения древнего Египта. М., 1958, с. 365.

³³ Durham D., Young W. Y. An occurrence of Iron in the Fourth Dynasty.— JEA, 1928, 28, p. 58—58.

³⁴ Carter H. The Tomb of Tut-an-akh-Amen. V. II. p. 135.

до н. э.)³⁵, изготовленная из железа скульптурная группа, изображавшая бой Геракла с гидрой, о которой сообщает Павсаний³⁶. Но особенно ярким примером является памятник, следующим образом охарактеризованный Павсанием в его «Описании Эллады»: «Недалеко от жертвенника стоит седалище (трон) Пиндара; оно сделано из железа и, говорят, на нем восседал Пиндар, когда он приходил в Дельфы и пел те самые гимны, которые написаны им в честь Аполлона»³⁷.

Таким образом, в одних религиозных культах древнего мира железо считалось священным, а в других — запретным. К числу последних, как мне кажется, относились и догматы урартской религии.

Если в храме Халди в Муцадире железные предметы отсутствовали ввиду религиозного запрета, то на дворец муцадирских правителей это табу не распространялось. Некоторое количество изделий из железа было там захвачено Саргоном II. Однако бросается в глаза, что это была скромная, ничем не примечательная утварь: железные печи («атун»), какие-то сосуды («арутхи» и «нисипи»), лампы («бит-буцини») и подсвечники («наси») ³⁸.

В общем и целом это был ассортимент весьма скудный. В то время как некоторые бронзовые предметы описывались, как мы видели, подробно, с указанием размеров, а порой отмечалась и их художественная ценность, в отношении железных предметов это не делается. Никакой характеристики им не дается, они упоминаются мимоходом. К сожалению, из-за досадной лакуны в ЛТ мы не знаем количества этих безусловно мелких предметов, но надо полагать, число их не было особенно большим. Показательно, что о железном оружии, не говоря уже об орудиях труда, ассирийский летописец не говорит ни слова. Ни одно произведение искусства из железа в списке не фигурирует. Наконец, отсутствует упоминание о необработанном железе. Все это весьма примечательно, поскольку, как мы говорили, интерес в Ассирии к железу был необычайно высок и если бы в Муцадире имелось большое количество этого металла, то ассирийские завоеватели, конечно, воспользовались бы. Поэтому я не могу согласиться с предложением, выдвинутым выдающимся русским востоковедом Б. А. Тураевым, о том, что «множество найденного во дворце Саргона железа, частью необработанного, было получено из Урарту как военная добыча. Описание этой добычи, взятой во дворце и храме Мусасира в 714 г. до н. э. Саргоном, занимает в недавно изданном Тюрю-Данжене текст 56 строк»³⁹. Конечно, предположение Б. А. Тураева может быть верно в отношении других районов Урарту, но не Муцадира. Железным изделиям Муцадирского дворца в тексте Саргона II посвящена лишь одна строчка из указанных Тураевым 56 строк. Весь остальной текст посвящен другим металлам.

Таким образом, получается любопытная картина. На большей части территории Урарту в VIII в. до н. э. уже полностью восторжествовал железный век. Чтобы не быть голословным, я сошлюсь на точные сведения, приведенные Б. Б. Пиотровским: «При раскопках на Топрах-Кале и на Кармир-Блуре железных орудий и оружия было обнаружено значительно больше, чем бронзовых предметов. На Топрах-Кале были найдены железные лемехи плугов и наконечники мотыг, серпы, вилы, топоры и молоты,

³⁵ Paus., X, 16, 1.

³⁶ Paus., X, 18, 5.

³⁷ Paus., X, 24, 5.

³⁸ Липин. Ук. соч., с. 44, 48, 55, 138.

³⁹ Тураев Б. А. История древнего Востока. Т. II. Л., 1935, с. 37.

крючья, петли для запоров и различные мелкие предметы. Аналогичные железные предметы, такие, как мотыги, серпы, вилы, топоры, крючья, петли для запоров, пилы и оружие. в большом количестве обнаружены и на Кармир-Блуре, откуда происходят также железные мечи и пластинчатые панцири»⁴⁰. Каким контрастом звучит это описание по сравнению со скудным перечнем мелких железных предметов, захваченных ассирийским завоевателем в Муцадирском дворце! Мне кажется, что это обстоятельство заставляет еще раз обратиться к проблеме неравномерности экономического развития различных районов древнего Востока. Район Муцадира был, по-видимому, наиболее отсталым по сравнению с центральной и северной областями, не говоря уже о западных окраинах страны, откуда шел знаменитый «железный путь» (удачный термин, предложенный И. М. Дьяковым), одно из ответвлений которого направлялось на северо-запад, в долину Аракса, т. е. проходило насквозь через Урарту⁴¹.

Хочется отметить, что разные темпы развития при переходе от бронзы к железу наблюдаются и в других странах, примыкающих к Урарту. Так, А. А. Мартиросян делает очень интересное наблюдение: «Процесс широкого освоения железа протекает на территории Закавказья и Северного Кавказа не совсем равномерно и одновременно. Некоторое отставание наблюдается уже в районах южных склонов Кавказского хребта и довольно значительное в области Центрального Кавказа»⁴². В качестве особенно яркого примера применения бронзовых изделий в железный век приводится Тлийский могильник VII—VI вв. до н. э.⁴³

Мне кажется, что аналогичные явления можно проследить и в Иране первых веков I тыс. до н. э. Так, Р. Гиршман подметил, что в Тепе-Сиялке (в Центральном Иране близ совр. Кашана) был обнаружен во время раскопок только один железный меч, а в западном районе Ирана (Луристане) железные мечи были найдены в большом количестве⁴⁴. Таким образом, бронза уступала первенство железу не без борьбы.

В описи добычи, захваченной Саргоном II в Муцадире и его области, необычайно поражает и полное отсутствие сведений о продуктах земледелия и довольно скромные цифры, характеризующие количество захваченного скота. В то время как в описании восточных и северных районов, подвластных урартскому царю или союзных с ним (особенно территории, примыкающей к озеру Урмия), ассирийцы опустошают поля и сады и захватывают большое количество зерна, в походе на Муцадир они мало интересуются полями, садами и скотом. Судя по данным ЛТ, Саргон II захватил лишь 12 мулов, 380 ослов, 525 быков и 1235 баранов⁴⁵. Надо признать эти цифры, мягко говоря, довольно скромными. Правда, другой ассирийский источник, а именно «Анналы Саргона», дают несколько иные, явно завышенные цифры (примерно вдвое), а для мелкого рогатого скота — даже весьма завышенное количество (100 225 голов)⁴⁶.

Н. В. Арутюнян в специальном труде, посвященном сельскому хозяйству Урарту, бездоказательно отдает предпочтение завышенным цифрам второго первоисточника и, не предлагая какого-либо обоснования этому,

⁴⁰ Пиотровский. Ук. соч., с. 163.

⁴¹ ИДМ, кн. II, с. 51.

⁴² Мартиросян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, с. 292.

⁴³ Техов Б. В. Раскопки Тлийского могильника в 1960 г. — СА, 1963, № 1, с. 162 сл.

⁴⁴ Ghirshman R. Fouilles de Sialk près de Kashan. V. II. P., 1939, p. 75.

⁴⁵ ЛТ, сткк. 253, 262—264.

⁴⁶ ARAB, II, 22.

делает решительный вывод: «Мусасирский храм благодаря систематическим царским пожертвованиям несомненно должен был стать одним из самых богатых скотоводческих центров Урарту»⁴⁷.

Хотя, действительно, урартские цари щедро снабжали для жертвоприношений Муцадирский храм (Н. В. Арутюнян приводит убедительные цифры, свидетельствующие об этом), но это не значит, что сами правители и жрецы Муцадира усиленно занимались организацией сельскохозяйственного производства. Приток дарового скота отнюдь не мог стимулировать местного скотоводческого хозяйства. Наоборот, возможность использовать безвозмездно доставляемый из центра Урарту скот скорее подавлял хозяйственную инициативу. Конечно, не весь подаренный храму скот для жертвоприношений шел на жертвы. Часть его удерживалась для местного хозяйства — в этом Н. В. Арутюнян прав, но все-таки цифры, приводимые ассирийским чиновником, подсчитывающим добычу (даже во втором варианте), следует признать довольно скромными. Исключением является громадная цифра, характеризующая в «Анналах Саргона» стада овец, но она весьма подозрительна, ибо выпадает из общего плана. Впрочем, если бы даже она подтвердилась, то можно было бы говорить лишь об усердном разведении в районе Муцадира мелкого рогатого скота, что для горной области было вполне возможно.

Особенно поражает полное отсутствие в списках добычи Саргона II лошадей. Конечно, они в Муцадире имелись⁴⁸, но их было мало и ассирийцам, вероятно, не удалось захватить даже незначительное их количество (может быть, в результате быстрого отступления муцадирских колесниц). Если бы был захвачен хотя бы десяток-другой коней, то об этом было бы сказано (ведь упоминается в ЛТ захват 12 мулов!). По всей вероятности, в глухих, поросшим лесом горах вокруг Муцадира не было хороших пастбищ для коней, что напоминает сходные условия на острове Итаке. Как известно, Телемах говорил: «Горные пастбища наши для коз, не для коней пригодны» (Одиссея, Песнь IV, 605). Хозяйство Муцадирского храма, по всем данным, носило в значительной мере потребительский характер. Производство в сфере сельского хозяйства вряд ли могло обеспечить накопление огромных богатств в храме и связанном с ним дворце. Вероятно, местное ремесло давало известные доходы, но, судя по описаниям произведенной скульптуры и художественной промышленности, в этой сфере преобладали изделия, доставлявшиеся из центральной части Урарту, а также из чужеземных стран (Ассирии, Хабхи, Табала).

Все это напоминает уже приводившийся мною для сравнения Дельфийский храм. По свидетельству Лукиана из Самосаты, один из жрецов этого храма откровенно заявлял: «Мы живем в гористых местах, обрабатываем скалы и нам незачем ждать, чтобы Гомер выяснил нам это, мы должны сами видеть. Что касается земли, то мы всегда терпели бы глубокий голод. Но святые, сам пифец, его оракул и жертвователи, благочестивые, и молитвенники благочестивые — вот дельфийская плодородная равнина, вот доходы; отсюда проистекает наше благосостояние, отсюда — кормимся; надо сказать правду самим себе: и, по слову поэта, земля „без пахания и сева“ все дает нам трудами пахаря-бога, который приносит нам не только блага, производимые Элладой, но и все, что есть у фригийцев,

⁴⁷ Арутюнян Н. В. Земледелие и скотоводство Урарту. Ереван, 1964, с. 154.

⁴⁸ Об этом свидетельствует надпись Русы I — см. Меликишвили. Ук. соч., № 264 (с. 323 сл.), стк. 15 в обоих параллельных текстах (урартском и ассирийском).

лидийцев, персов, ассириян, финикийн, италиотов, наконец, у самих гибербореев,— все стекается в Дельфы»⁴⁹.

Было бы весьма интересно проследить, в какой мере другие храмовые города древнего мира использовали для обогащения свои популярные святыни, дававшие реальную возможность правителям, жречеству и обслуживающему персоналу обогащаться даже при сравнительно низком уровне производства.

Д. Г. Редер

⁴⁹ *Лукиан. «Фаларид», Слово II, 8 (пер. Б. Л. Богаевского — см. Лукиан. Собр. соч., т. I. М.— Л., 1935).*

LE RÔLE DU TEMPLE DE MOUTSATSIR DANS L'ÉCONOMIE DE L'OURARTOU ET DE L'ASSYRIE AU VIIIe S. AVANT N. È.

D. G. Reder

La ville de Moutsatsir était le centre d'un petit Etat dépendant de l'Ourartou. Le roi d'Assyrie Sargon II, qui mit cette région à sac en 714 av. n. è., ne dit mot de la prise de produits agricoles ou jardiniers. Le nombre des boeufs, ânes et mulets faisant partie du butin était très insignifiant, celui des ovines un peu plus élevé. L'absence de chevaux dans l'inventaire du butin est particulièrement frappante.

Le gros de celui-ci se composait de métaux: lingots d'or, d'argent et de bronze, et articles fabriqués à partir d'eux. Autre énigme: la petite quantité de fer indiquée dans ces listes. Parmi le butin pris dans le temple de Moutsatsir, il n'y en a pas du tout (peut-être en raison d'un tabou). Dans le palais de Moutsatsir, les vainqueurs n'ont trouvé que de petits objets de fer (ustensiles, lampes, chandeliers et braseros). Les armes de fer ne sont mentionnés nulle part. Sans doute l'âge de fer a-t-il commencé dans cette province de l'Ourartou du Sud-Est un peu plus tard que dans les autres régions du pays.

L'impression se crée que les richesses fabuleuses stockées à Moutsatsir n'étaient nullement le fruit du développement économique de cette région périphérique de l'Ourartou. La prospérité de Moutsatsir dépendait des riches offrandes faites au temple du dieu Haldi à Moutsatsir. Cette circonstance rappelle fort la situation du célèbre temple de Delphes, connu pour ses trésors, bien qu'il se trouvât dans la partie la moins fertile de la Grèce.